

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Четыре крыла

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства *Ольги Рубис*»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 **Четыре крыла / Татьяна Степанова. —**
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-227719-1

Четыре крыла... Белое-черное, черное-белое...

Пропавшие без вести. Их было двое — простой двадцатилетний паренек Руслан Карасев по прозвищу Хвост и красавец, любимец женщин и рекламная модель Игорь Виноградов по прозвищу Адонис. Их исчезновение неожиданно для самих себя берутся расследовать Клавдий Мамонтов и Макар Псалтырников. В этом деле многое нелогично — например, личности пропавших. Казалось бы, сложно представить двух более разных людей. Но их объединяет одно связующее звено — у каждого в прошлом было неприятное обстоятельство, тайна, которую они всеми силами пытались скрыть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227719-1

Глава 1

ЯМА И ОСИНА

Под корнями высокого дерева талые весенние воды за долгие годы вымыли глубокую яму. Вода сошла, оставив на дне небольшие лужицы, засыпанные зеленой молодой листвой и хвоей.

Яма под корнями выглядела удобной глубокой могилой.

И не надо копать землю припасенной лопатой.

Или нет?

Поместится ли труп?

Человек внимательно изучал яму под корнями. Закатное солнце гасло за горизонтом, освещая багровым светом верхушки деревьев. Вечерние тени множились, соединяясь, сплетаясь с ветвями, корнями, стволами, маскируя реальность, наполняя ее сумраком и тьмой, изгоняя последние солнечные лучи, подобно острым огненным спицам пронзавшие кроны. Лучи мягко скользили, почти струились по фигуре незнакомца, словно не желая причинить неудобство. Мешковатая, нарочито неброская туристическая одежда скрывала и возраст человека, и его пол. Лесной сумрак на все накидывал свой покров, поглощал, прятал...

У ног незнакомца на краю ямы на брезенте лежало тело. На этом куске брезента труп и дотащили до ямы. Человек только что отрубил мертвецу кисти обеих рук туристским топориком. Это потребовало усилий. Но человек не спешил вытирать лезвие топора о траву и листья. Инструмент еще понадобится.

Отрубленные кисти лежали в полиэтиленовом пакете. Обычный белый пакет с красным логотипом дешевого

продуктового магазина, измазанный грязью. Мелкие осколки раздробленных костей... Черная запекающаяся кровь.

Человек наклонился, положил туристский топорик на землю и начал деловито завязывать ручки пакета, пакуя страшное содержимое.

Руки предстоит спрятать отдельно...

Распрямившись, он вновь придиричиво оглядел труп в окровавленной одежде, с обрубками рук, лежащий на краю ямы. С телом вроде присутствует некий нюанс... Но от волнения и тревоги он не мог вспомнить детали. Или же память его подводит? Или он допускает сейчас непоправимую ошибку? Что-то не так с трупом, но он не в состоянии сосредоточиться, мысли ускользают... В самом теле имеется некий подвох или изъясн... Кажется, да... Или нет? Или он перепутал? Но если сейчас начать осматривать, шарить в одежде, останется его ДНК... Сколь долго она может сохраниться? Особые приметы... Если он отрубил кисти мертвецу и сейчас собирается топором отсечь ему голову, то... все зря? Тело все равно в будущем смогут опознать?!

Но труп никогда не найдут в яме под корнями...

Человек поднял топор с земли. С особой приметой он мог ошибиться. Наверняка никакой приметы и не существовало.

Незнакомец глянул прямо в лицо мертвеца. Это я тебя убил. И ты сгниешь здесь в яме. И никогда не явишься ко мне ночью во сне, воя о мести и расплате. Ты — ничто. Прах. Глен. Я похороню безголовый безрукий обрубок под корнями в рытвине. Голову и кисти спрячу отдельно. И поставлю точку *во всей истории, в которую угодили и ты, и я...*

Сильно размахнувшись, он ударил топором — метил в шею, но рука дрогнула, и лезвие наискось разрубило лицо, хрустнула раздробленная челюсть.

Изуродованный покойник словно в последней прощальной ухмылке осчерил зубы в хищном оскале. Ус-мешка не предвещала ничего хорошего.

Человек сдавленно-испуганно вскрикнул, не сдержав эмоции, и начал в слепой ярости остервенело рубить труп.

И вот голова мертвеца покатилась по земле, едва не упав в яму. Человек остановил ее ногой, словно футбольный мяч.

Закатное солнце погасло. Сумерки воцарились — пепельные, прохладные. Ветер прошелестел по подмосковному лесу, играя молодой листвой. Птицы умолкли, угомонились.

И лишь на старой кривой осине в чаще птицы пищали, тревожно перекликались в ветвях. Их что-то беспокоило. Взмах крыльев — и они стайкой взмыли в вечернее небо с осины, ища себе другого ночлега.

На суку осины — труп повешенного.

Вечерний ветер, усиливающийся с каждым порывом, колыхал ветки, и труп медленно вращался в петле. Кружил, парил над землей. Листья осины неистово трепетали, даже когда порыв вечернего ветра утих и вновь воцарился мир и покой.

Обманчивый покой.

Мертвая зыбь.

Старая кривая осина пользовалась в лесу дурной славой. Она пережила великие пожары семьдесят второго года и, подобно вампиру, высосала все соки покрытой пеплом земли и жизненные силы обугленного леса, возродившись заново, устремив свои корявые ветви, пронзившие небо, в будущее. Труп в петле старая осина тоже заботливо приняла в свои вампирские объятия, обещав... кому? Бог весть... лелеять и оберегать его, пока все не обратится в прах...

Под корнями осины талые весенние воды вымыли рытвину. Пара могучих толстых корней обнажилась, образуя нечто вроде ступени возле растрескавшегося, покрытого мхом ствола.

На краю рытвины валялась замызганная кроссовка, спавшая с ноги мертвеца.

РОЗА. ТА, КОТОРУЮ НЕ ЗАМЕЧАЮТ

— Сын пропал. Убили его. Без вести пропал сыночек мой ненаглядный. Руслан мой... Кровиночка моя... Сгубили его злые люди! И не знаю я даже, где могилка его. А может, и нет никакой могилы. Тело его собаки бродячие гложут... Кости его неупокоенные, не похороненные мной...

Женщина рыдала горько, безутешно. И сердце Клавдия Мамонтова заныло. Женщина размазывала по залитому слезами лицу остатки туши и желтую дешевую пудру, трясущимися руками доставала из старой сумки коробку с лекарствами, сыпала таблетки на ладонь, но ее натруженные распухшие руки ходили ходуном, и таблетки падали на пол.

Клавдию Мамонтову казалось — белые колесики таблеток шлепались на ковровое покрытие с почти железным стуком. Или то кровь билась у него в висках?

Макар Псалтырников быстро наклонился и начал собирать таблетки.

— Спасибо, спасибо вам, я и с пола их заглочу, — шептала лихорадочно женщина, давясь слезами. — Они ужас дорогие. Мне врач прописал. Полторы тыщи стоят... одна коробочка. У меня давление скачет и диабет... Ох, простите меня! — Женщина порывалась встать с дивана. — Нам нельзя, персоналу... Администратор увидит, что сижу на их мебели, станет орать.

— Тихо, успокойтесь, вам надо отдохнуть. — Макар опустился рядом с женщиной на диван и протянул ей на ладони таблетки. — Администратора не бойтесь. Я все улажу. Да он и сам поймет ситуацию. Здесь камеры внизу, в холле, да?

Женщина затравленно кивнула и поежилась, озираясь по сторонам.

— А наверху, в спальнях? — спросил Клавдий Мамонтов.

— Наверху вроде нет. Точно я не знаю, — женщина затрясла головой. — Но в холле есть и в кухне. На пульте охраны видели, как я грохнулась здесь у вас. Вот дура... Простите меня.

— Не за что вам извиняться, — успокоил ее Макар.

Сюда — на диван в холл виллы Парк-отеля — он принес ее на руках с кухни, когда она потеряла сознание и упала.

Они оба услышали стук падения. Ее крик — она ударилась об пол всем телом плашмя. И подбородком. На нем уже наливался чернотой огромный синяк. Удар подбородком — болевой шок. Даже проваливаясь в обморок, она кричала от боли.

Уборщица в загородном отеле. Тихий и безмолвный призрак в синей робе со шваброй и ведром. Та, кого постояльцы обычно не замечают. А если и видят, сразу забывают.

— Я коттедж перепутала, — всхлипнула она, глядя на кулак с зажатыми в нем таблетками. — Простите. Меня на ресепшен в третий послали туалеты мыть и душевую с сауной, а я перепутала. Пришла в ваш пятый. А вы еще не съехали. Мы не убираем номера и коттеджи при постояльцах. Не беспокоим. А я вломилась, да еще шмякнулась на кухне. В глазах у меня вдруг потемнело. Такая тяжесть на сердце... Сегодня ведь...

— Что? — тихо спросил ее Клавдий Мамонтов.

— Сегодня его день рождения. — Уборщица подняла на него мутные карие глаза, опухшие от слез. — Сыночка моего единственного, Руслана. Я все ждала. Думала — вдруг он в свой день рождения объявится, если жив. Не может он мне — матери — в свой день рождения не позвонить, не подать весточку, если живой и просто уехал... оставил меня... скрылся... Но нет от него ничего. Знак мне, выходит, свыше. Нет его в живых. Убили его...

— Как ваше имя-отчество? — спросил Макар уборщицу.

— Роза Равильевна.

— Меня зовут Макар. А это мой друг Клавдий.

— Мамонтов, — представился Клавдий уборщице. — Я сейчас работаю телохранителем семьи Макара, а прежде служил в полиции.

Уборщица Роза недоуменно воззрилась на него. Клавдий Мамонтов и сам не мог понять — зачем он говорит ей о себе? Изможденная работой женщина возрастом далеко за пятьдесят. Располневшая, слегка неуклюжая, с крашеными волосами, собранными в короткий хвостик, с распухшими ногами, втиснутыми в резиновые «клоги».

— Роза Равильевна, вы ели сегодня что-нибудь? — спросил Макар.

— Да... то есть нет, не успела, — уборщица Роза, словно испугавшись, втянула голову в плечи. — Я в шесть встаю, у меня здесь смена в восемь начинается. Я всю неделю пашу сейчас без выходных. У нас треть уборщиков ушла, когда мигрантов начали проверять, они к себе домой дернули вместе с женами. Мои сменщицы-таджички уволились. Мне выходные отменили. Обещали заплатить. Только у нас за опоздание на работу деньги сразу вычитают. И много. С деньгами туго у меня. Холодильник совсем пустой дома...

— У вас диабет, вам надо питаться регулярно. Тихонечко вставайте, я вам помогу. — Макар поднялся и предложил уборщице руку — галантно, словно аристократке. — И пойдете.

— Я уйду, уйду, я вам больше мешать не стану. — Роза тяжело оперлась одной рукой о диван, стараясь выбраться из его мягких подушек. — Извините за беспокойство...

— Мы с вами сейчас заглянем на кухню, нам завтрак до вас официант привез, — словно ребенку пояснил уборщице Макар. — Вам надо поесть, набраться сил.

Клавдий смотрел на своего друга.

Уборщица Роза... Она сразила их обоих наповал своей беззащитностью? У Макара такое лицо сейчас... Ему словно неловко... А чего ему стыдиться? Почему и он, Клавдий, чувствует себя не в своей тарелке? Перед ней? Безутешной матерью пропавшего сына... Бедной до нищеты... Готовой с пола подбирать и пить дорогие таблетки, ибо она не может потратить деньги на новые. Ему совестно — они

насвинячили на съемной вилле, а она явилась убирать за ними. Но это же ее заработок. Каждому свое.

Или нет?

Есть нечто еще. Главное. Скрытое от посторонних глаз глубоко внутри и у него, и у Макара. Оно заставляет их терпеливо возиться с ней. Утешать ее. Пытаться ее сейчас накормить.

Пытаться *защитить* ее. От чего?

Помочь ей в ее горе.

Словами не объяснить. Душевный порыв их общий с Макаром? Обоюдное врожденное благородство? Полегче с пафосом... Скорее просто блажь. Похмельная дурь после бурной ночи с девицами пьяной, шумной гулянки на вилле загородного Парк-отеля, куда Макар-искуситель затащил его — встряхнуться и оттянуться на полную катушку.

Макар проводил уборщицу Розу на шикарную кухню виллы Парк-отеля. Она плелась — сгорбленная, поникшая, шаркая ногами в своих резиновых клогах. Но сев за стол, начала есть с великой жадностью. И Клавдий понял — уборщица Роза сильно голодна. Даже горе не отбило у нее волчий аппетит.

— Вы сказали — ваш сын пропал без вести. — Макар налил ей кофе из навороченной кофеварки.

— Пропал. Убили его злые люди. Больше двух месяцев нет его со мной. — Уборщица Роза на мгновение перестала жевать. А затем, взяв бриошь, начала подчищать на тарелке растекшийся желток от яичницы-глазуньи. Она съела все до последней крошки.

Клавдий Мамонтов придвинул к ней и свою порцию завтрака. Сел боком на широкий низкий подоконник, глядя на лес, окружавший виллу.

Они примчались сюда вчера днем на машине из дома Макара на Бельском озере в Бронницах, где жили летом. Дни и недели после кровавой и трагической истории с борщевиком, на которую они все вместе с полковником Гуциным потратили столько сил¹, протекали тихо и отно-

¹ Подробно об этом читайте в книге Т. Степановой «Корень зла среди трав».

сительно спокойно. Дома все, на взгляд Клавдия, *устаканилось*. Дети Макара не болели. Гувернантка Вера Павловна наконец отыскала через своих многочисленных знакомых пожилую супружескую пару преподавателей иностранных языков для Лидочки — младшей дочери Макара. Семидесятилетние муж и жена раньше работали в столичном вузе. Предложение Макара перейти на работу к нему позволяло им постоянно жить за городом на своей даче на природе (их деревня располагалась в сорока минутах езды на машине от Бельского озера), оставив московскую квартиру семье дочери. Супруги приступили к новым обязанностям летом — в период каникул в вузе, обещав окончательно определиться к осени: остаться у Макара или нет. Жена начала обучать Лидочку французскому и итальянскому, ее муж — немецкому, а также латыни, чем приводил Макара в восторг. В середине июля выдались знойные душные дни, и супруги-учителя часто оставались у Макара ночевать, не возвращались к себе на дачу в духоте.

Дом на озере, полный стариков и детей...

Клавдий Мамонтов самые жаркие дневные часы проводил у воды вместе с дочками Макара, гувернанткой Верой Павловной, супругами-учителями и маленьким сыном Макара, Сашхеном. Раненая рука Клавдия заживала медленно, он все еще носил перевязь. Но уже пытался плавать. И греб с великим трудом на каноэ, разрабатывая суставы. Для крохотного Сашхена, едва научившегося ходить, Макар заказал по интернету «микроскопические» водные лыжи, чем привел в ужас всех домашних. После долгих дискуссий, просьб образумиться и укоров ограничились пока надувным кругом для плавания. Сашхен в круге плескался вместе с сестрами на мелководье, шлепал ладошками по воде и хохотал, обдавая Клавдия, сидевшего в воде рядом с ним, фонтаном брызг.

Для старшей шестилетней дочери Макара, Августы, отличавшейся особенностями развития и не говорившей, привезли мольберт и масляные краски. Макар вместе с Клавдием два дня готовили для нее художественную мастерскую. Выбрали гостевую комнату наверху, рядом с детской с панорамным светлым окном, сами перекра-

силы стены. Установили мольберт, на него — холст на подрамнике. Разложили на столе масляные краски в тюбиках, кисти. Августа продолжала творить на картоне мелкими и пастелью. Рисовала и в своем планшете. Но затем Макар с Клавдием подсмотрели украдкой, как она под неусыпным наблюдением Лидочки и крохотного Сашхена, перекочевавшего следом за сестрами в художественную мастерскую, смешивает... нет, просто размазывает, растирает пальцами краски на палитре. И смотрит на результат, на свои испачканные ладошки, склонив набок темноволосую головку.

— Не все сразу, друзья мои, — веско успокоила их гувернантка Вера Павловна. — Процесс творчества на холсте для Августы еще в новинку. Она разберется. Талант ей поможет. Пускай Августа не говорит, но она присутствует на каждом уроке французского и латыни. Лидочке наш новый учитель наемдни вслух читал рассказ вашего тезки, Клавдия Элиана¹, про нильских лягушек на латыни с переводом на английский. Августа потом изобразила пастелью лягушку с тростником во рту, словно взяв из текста. Она понимает разные языки, но не разговаривает. Она уникальна! А свои новые масляные краски она научится смешивать и применять сама.

Домашняя идиллия длилась и длилась. Благодная и безмятежная, она выглядела чересчур уж нарочитой. Почти искусственной. Не от окружающего безумного «мира сего». Клавдий чувствовал фальшь. А Макар просто изнывал. Читал потоком новости в интернете. Мрачнел. Клавдий ждал с тревогой — друг его снова вот-вот сорвется в алкогольный штопор.

— «Суббота, хлебнув политуры...» — однажды солнечным утром процитировал Макар песню Юрия Шевчука.

— Сегодня воскресенье, — поправил Клавдий.

— Один черт. — Макар снова пялился в мобильный, читая новости. — М-да... А не рвануть ли нам к телкам, а, Клава?

¹ К л а в д и й Э л и а н — древнеримский писатель и философ, автор «Пестрых рассказов».

— Шутишь? — усмехнулся Мамонтов.

— На полном серьезе. Вчера ночью в интернете познакомился с двумя. Вроде ничего, симпатичные. Я, правда, не понял — пьян был. Каюсь. Они принимают наше приглашение, Клава.

— Приглашение?

— Загородный Парк-отель, лесной рай. Я вчера виллу забронировал с предоплатой. Час езды от нашего озера. Пойдем вразнос, а? Оторвемся вдаль от наших чинно-загородных домашних. Встаем и едем прямо сейчас. Легко.

— Сложно, — парировал Клавдий. — Я пас. Ты чеши. Гуляй, пока молодой. Только адрес мне скинь, где тебя искать. Я останусь дома с твоими детьми. Я охранник твоей семьи.

— Ты мой единственный друг, Клава. Не бросай меня в час черной тоски, — Макар все пялился в мобильный. — «Это все, что останется после меня, это все, что возьму я с собой...»¹

Клавдий глянул на его лицо. И не стал больше спорить и возражать.

Девицы, откопанные Макаром в Сети, оказались молоденькими провинциалочками из Сызрани. В Парк-отель на свидание с ухажером «из Сети» они явились на такси и с удивлением смотрели по сторонам, повизгивали восторженно от роскоши пятизвездочного спа-отеля, ресторана, бассейна, уединенной в лесу виллы. Макар оплатил им балийское спа для начала, затем они пообедали четвером в ресторане на веранде, познакомились, сидели допоздна в баре. Макар глушил там все подряд. Клавдий тоже выпил — впервые за все время, прошедшее после его ранения. Без водки и текилы ничего бы не вышло у него с пухленькой смазливой девицей, увиденной впервые в жизни. Брюнетка больше понравилась Макару, но она сама выбрала Клавдия и пыталась завести его в баре с пол-оборота. Макару пришлось переключиться на ее подружку с волосами цвета спелого ананаса. Она хвалилась ему: «Я читала Пелевина» и намекала — «тащусь от Гуччи».

¹ Песня Юрия Шевчука.

На вилле ночью они разошлись по спальням. Клавдий устроился внизу со своей новой пассией — брюнеткой. А Макар с блондинкой поднялись наверх.

В семь утра Клавдий вызвал такси, перевел девице на карту денег и вежливо попросил «валить на хрен». Усадив ее в тачку, он отправился в бассейн отеля — смывать с себя запах ее тела и приторных духов от Гуччи. Чувствовал он себя при этом последним мерзавцем.

По возвращении он застал Макара сидящим в банном халате на верхней ступени лестницы. Рядом — бутылка текилы. Макар сражался с жестоким похмельем.

— Removed her from¹... — Макар слабо помахал рукой. — Из нашей, Клава, реальности... Кнопочка delete... Нажал и... нет Ксюшки-хитрюшки.

— Я свою тоже «делит». Вызвал ей спозаранку тачку до Москвы, — Клавдий потянулся всеми мускулами. — Я, хам, в отличие от тебя, даже ее имя не спросил.

— Рита... Она тебе в баре называла свое имя, когда клеилась. Рита-Читта-Дритта, — Макар встал и станцевал на ступеньке степ, не боясь покатиться кубарем вниз. — А ты все мимо ушей. Каменная твоя рожа, Клава...

— Подонки мы, — констатировал Клавдий.

— Как твоя рука?

— Лучше.

— Секс все лечит, — философски заметил Макар.

— Твари мы последние, — Клавдий вздохнул. — Девчонки ни при чем. Дело в нас.

— Ну, хотели мы... жаждали... добивались чистой горячей верной любви, — Макар шутовски поклонился, разводя руками. — И ты, и я... Мы оба. Болваны.... Да, если бы не ты, братан... Я бы давно уже достиг. Руки мы друг другу намертво связали!

— Ну да, конечно, — отрезал Клавдий. — Словно в той пьесе: не цепи — кандалы. Да?²

Макар выпрямился, глядя Клавдию в глаза.

¹ Удалил ее (англ.).

² Клавдий вспоминает пьесу «Бесприданница» А. Островского.

И в этот момент они услышали шум: что-то тяжелое упало в кухне. А затем раздался женский крик — пронзительный, полный боли и страдания.

Уборщица Роза.

Они даже не заметили с похмелья, как она зашла в их роскошную виллу...

Глава 3

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

— Вашего сына зовут Руслан, — Макар включил кофеварку. — Роза Равильевна, расскажите нам, что случилось?

Уборщица Роза глянула на него, быстро дожевывая булочку. На ее глаза вновь навернулись слезы. А Клавдий вспомнил: услышав шум в кухне виллы Парк-отеля, они поспешили туда и обнаружили ее расprostертой на полу рядом с опрокинутым ведром и шваброй. С похмелья они соображали еще туго — засуетились неловко: он, Клавдий, ринулся шупать у уборщицы пульс. А Макар в одиночку поднял уборщицу на руки и отнес ее в гостиную, уложил на диван. Она очнулась через минуту, наверное, — кто считал мгновения в запарке? В темных глазах ее метался дикий ужас, затем взгляд затуманился, смягчился, приобрел осмысленность.

— Где болит? В груди? Под лопаткой? Сердце? Я вызываю вам «Скорую». — Клавдий нагнулся к ней с высоты своего роста, доставая мобильный.

Но уборщица вцепилась в его раненую руку на перевязи:

— Нет, не нужно сюда в отель врачей! Они ж через КПП проедут, администрация увидит. Скажут потом — большая... нам такие не надобны, увольняем. Я сюда на автобусе из поселка нашего еду, встаю в шесть, и все-го-то один транспорт. А на прежнюю работу на автобусе, электричке и другом автобусе таскалась, затем пешком три километра до ворот. Вставала в три утра... Пожалуйста, не вызывайте никого, никому не говорите! Мы не должны

постояльцев беспокоить... У меня не сердце прихватило, просто слабость, в глазах потемнело. С горя я места себе не нахожу... Из-за сына моего пропавшего... Не говорите на ресепшене — мол, уборщице плохо стало, они меня выставят! А мне работа нужна. Если не работать — дома есть будет нечего...

Она бормотала лихорадочно, бессвязно, сжимая раненую руку Клавдия, почти причиняя ему боль. Но он не прерывал ее. И сейчас, за столом, скармливая ей двойной завтрак, они тоже готовились выслушать ее.

— Сколько лет вашему сыну Руслану? — спросил Клавдий уборщицу Розу. А Макар налил ей еще одну чашку кофе и подвинул блюдо со сладкой выпечкой.

Но Роза потянулась к кувшину апельсинового сока.

— Кисленького хочу, страсть люблю цитрусы, дорогие они в магазине, — она облизнула губы, осушив стакан сока залпом. Потрогала синяк на подбородке, морщась. — Двадцать годков Руслану исполнилось сегодня. Гляньте, красавец он у меня был — умница.

Она заколыхалась, извлекла из кармана синей робы старенький мобильный, нашла фотографии сына. Клавдий и Макар увидели на экране темноволосого юношу — полноватого, одновременно в чем-то и схожего обликом с Розой, и отличного от нее внешне. Пухлые, с еще детским румянцем щеки, круглое лицо, слегка оттопыренные уши, тяжелый взгляд темных глаз. На других фото его запечатлели в полный рост — невысокий, кряжистый пацан, широкоплечий, почти квадратный, этакий здоровячок-боровичок. Подобных в школе сверстники обзывают «толстунами» из-за лишнего веса. С виду самый обычный парень. Одет неброско и дешево — в спортивные штаны, куртку и замызганные кроссовки.

— Когда он пропал? — задал новый вопрос Клавдий.

— В конце мая. — Уборщица Роза глянула на него и... потянулась к блюду с выпечкой. Взяла пекан с кленовым сиропом, секунду созерцала его с немым восхищением, затем лицо ее искривила горестная гримаса, по щекам заструились слезы, однако, всхлипывая, она сунула пекан в рот и откусила, начала жевать, морщась от боли

в разбитом подбородке и продолжая плакать. — Я не знаю точно когда.

— То есть? — удивился Макар. — Руслан жил не с вами?

— Жили всегда вместе, единой семьей. В школе когда учился, я его тянула из последних силенок. Все ему отдавала — здоровье, деньги до копейки, рыбой-щукой билась об лед, работала с утра до ночи, обувала его, одевала, кормила-поила, — уборщица Роза плакала, тараторила скороговоркой и жевала пекан с кленовым сиропом, давась слезами, — все одновременно. — В апреле съехал от меня, освободи...

Она осеклась. Глянула на них. Проглотила кусок.

— Не смущайтесь, — произнес Макар. — Продолжайте, пожалуйста. Сын освободил вас от своего присутствия и от трат?

— Да. То есть нет. Он мне заявил: мама, я нашел работу в Москве. Из поселка ездить далеко и долго, я в городе устроюсь. За меня не переживай.

— Кем он работал? — уточнил Мамонтов.

— Он мне не сказал. Похвалился лишь — мол, денежная должность. Он сразу после школы начал вкальвать, сначала на нашу макаронную фабрику в поселке устроился на склад, зарплата фиговая, но он там бесплатно отучился на шофера и получил права. Хотел устроиться в такси, но его не взяли.

— А почему? Молодой парень, — заметил Клавдий.

— Из-за здоровья, он медкомиссию в такси не прошел.

— В армию он не призывался? — снова задал вопрос Клавдий.

— Нет, — Роза потянулась за «бантиком» с вареньем.

— Он на фото без очков. Не по зрению пролетел. В такси не приняли на работу случаем не из-за такого? — Клавдий pokrutil пальцем у виска.

— Клава! — понизил голос Макар.

— Ни-ни, не то... не шизанутый он у меня, — уборщица Роза затрясла головой. — Если б тронутый, то я бы и пропажу его без вести поняла — мало ли *шиза* штуки откальвает, убегают из дома, прячутся от родителей,

бродяжничают. А он нормальный мальчик, правда, родился не очень здоровым.

— А с виду на фотографии он почти богатырь, — похвалил Макар.

Уборщица Роза криво улыбнулась. Снова потрогала синяк на подбородке. Откусила половину «бантика», запила кофе.

— Когда вы сами его хватились? — Клавдий начал выяснять главное.

— Числа двадцать второго мая. Он мне все не звонил, не звонил... Неделю, если не больше. Я сама ему набрала, а он недоступен. Подумала — где-то носит мальчика... Занят. Работает же. Позвонила на другой день поздно вечером, когда домой вернулась. Снова недоступен. Потом ночью — то же самое. Утром на работе набрала ему — недоступен. Я все звонила, волноваться начала... Дома в поселке вечером сбегала на квартиру к Пауку. А он мне — сто лет не видел Руслана вашего. Понятия, мол, не имею, где он. В Москве вроде устроился, работу нашел. Посоветовал мне у Локи узнать. Я его искала-искала, не нашла в поселке.

— Кто они — Локи и Паук? — живо поинтересовался Макар.

— Паук — Денис Журов, одноклассник Руслана. А Локи из Вавелей семейства. Максим у него имя, Локи его в поселке кличут, уж не знаю почему. Кто такой Локи? Хрень разная у пацанов. — Уборщица Роза раздраженно пожала полными плечами.

Макар и Клавдий переглянулись.

— Продолжайте, Роза Равильевна, — мягко поощрил ее Макар. — Сока апельсинового вам еще налить?

— Уж пожалуйста... кисленький, приятный... Уж простите меня, обжираю вас совсем бессовестно... Вкусно очень! Не отыскала я Локи, утром побежала в полицию, думала, они меня ждать заставят три дня, прежде чем заявление подавать о пропаже сына. Но они меня выслушали, спросили его возраст и сразу направили к участковому. Он меня мурыжил-мурыжил... Все допрашивал про Руслана. Но заявление мое взял.

— Вам известны конкретные действия полиции по розыскам вашего Руслана? — уточнил Клавдий. В словах уборщицы «про полицию» ему почудилась скрытая неприязнь. Но он пока не знал причины.

— Нет, — Роза покачала головой. — Два месяца прошло. Воз и ныне там. Сынка моего нет. Никто в нашей полиции мне ничего не говорит. Жив он, нет ли... Я сердцем чувю — нет его уже на свете. Был бы живой, сегодня, в свой день рождения, мне бы непременно позвонил. Матери своей, рожавшей его, кормившей-поившей, защищавшей...

Заливаясь самыми горькими безутешными слезами, уборщица Роза шумно выхлебала апельсиновый сок из стакана и потянулась за бумажной салфеткой, аккуратно разложила ее на коленях и начала собирать с блюда оставшуюся выпечку.

— Руслан — единственный ваш ребенок, насколько мы поняли? — уточнил Макар.

Уборщица кивнула. Она деловито укладывала в салфетку круассаны, плюшки и булочки с корицей.

— А где отец Руслана? — осведомился Клавдий.

— Он нас давно бросил. Отрезанный ломоть. Умер он десять лет назад, — сообщила Роза.

— Фамилия участкового? — задал Клавдий новый важный для себя вопрос.

— Бальзаминов. Наш он, поселковый. Майор Бальзаминов.

— А поселок ваш называется...

— Скоробогатово, — ответила уборщица Роза. — Русланчик мой там и родился. А я после школы девчонкой из Уфы к мужу туда переехала, мы с ним на макаронной фабрике оба в молодости пахали. Муж с матерью, свекровью моей, в хрущевке свою жилплощадь имел, квартирка двухкомнатная, смежная, я и польстилась, дура молодая. Долго у нас с мужем деток не было, я из кожи вон лезла, к знахаркам обращалась. Потом Русланчик на свет появился, бабка наша, ведьма-свекровь, скончалась. А после уже и мой благоверный от нас с сынком... из квартиры свинтил.

— Извините за бестактность, а сколько же вам самой лет? — спросил Клавдий Мамонтов.

— Сорок семь, полтинник скоро, — весьма непосредственно ответила Роза. — Старая я кляча... изношенная лоханка...

Макар глянул на приятеля — уборщица выглядела на десять лет старше своего возраста. Если не на пятнадцать. Она аккуратно, но с деревенской жадностью завертывала в салфетку выпечку со стола. Сунула пакет в карман синей робы.

— Спасибо за угощение, — всхлипывая, начала истово, жалобно благодарить. — Нам нельзя даже остатки со столов в ресторане собирать и с тележек, которые официанты возят постояльцам в номера и на виллы. А кто еду ворует с тележек, у того сразу ползарплаты долой. А здесь вкуснотень повара готовят, столько еды остается, аж живот крутит, жрать все время тянет, а нельзя нам, персоналу, есть чужое. Да я и воровать не привыкла.

— Фамилия вашего сына и ваша? — спросил Клавдий.

— Его — Карасев. А моя Сайфулина, — ответила Роза.

— Руслан взял фамилию отца?

— Ага. И глазом не моргнул. Захотел его. Уж я его просила-умоляла. Одумайся, зачем тебе его фамилия? А он плечами дернул, покосился на меня, промолчал. Но я поняла — не желает он мою татарскую фамилию брать, хочет русским быть, с фамилией папаши своего — зверя...

Уборщица Роза осеклась. Поджала губы. Затем низко опустила голову, явно пытаясь спрятать от них свое изуродованное синяком лицо с появившимся на нем выражением ожесточения... Темными тенями прошлого... Клавдий внезапно понял — все ими услышанное не совсем то, чем представляется на первый взгляд. И в рассказе уборщицы, во всем *этом деле* им встретился лишь самый первый подвох. Появится и множество других — если вдруг они решат двигаться дальше и...

— А зачем вам все знать? — глухо пробубнила уборщица Роза, словно подслушав его мысли. Маскируя промельк теней прошлого в своих чертах, она опять начала горько плакать, подвывая от горя. — Полюбопытствовали, ребятки,

да? Наслушались меня, матери. Добрые вы, но... чего вам во мне и в Руслане моем? Послушали, покачали головами с умным видом, да? Вроде посочувствовали. Уехали из отеля и забыли. И не вспомните вы меня завтра, ребятки. Сейчас-то вы не в себе еще после ночного загула, амбре от вас... Пили до рассвета. Небось, с девками ублажались... Ну а с утра тепленькие, добренькие... любопытные... Сядете в тачку навороченную, и только вас и видели... А я останусь. Плюшки ваши доедать дома и слезами давить-ся... Одна-одинешенька! Никто, никто мне не поможет, никто не найдет моего сына единственного... Хоть могилку его безымянную... Хоть тело его бездыханное... Нет мне, матери-одиночке, помощи ни от полиции, ни от кого на свете! А за завтрак ваш щедрый, вкусный — низкий поклон. Если надо ваше благодеяние отработать, дайте адрес ваших хором, где живете. Я приду в выходной, уберусь у вас, все вымою, вычищу. Я свои долги привыкла платить. Я — честная женщина. И гордость имею.

Ее слова были несправедливы, но полны горечи и боли. Они оба молча созерцали ее залитое слезами лицо.

— Роза Равильевна, я вашего сына Руслана постараюсь отыскать. — Макар поднялся из-за стола. Выпрямился, вздернул подбородок. — Я вам помогу. Я вам клянусь.

Клавдий не понял — бурное похмелье разыграло в натуре Макара или же нечто иное? Когда он поклялся уборщице Розе со столь серьезным видом сделать в общем-то неосуществимое.

Отыскать пропавшего без вести совершенно незнакомого парня...

Но Клавдий знал и другое: от своих обещаний Макар, пылкий, безбашенный, запойный алкоголик, его единственный верный друг и работодатель, не отступает никогда.

— Скиньте нам ваши контакты, — хмуро попросил уборщицу Клавдий, хоть и с неохотой, но без колебаний идя на поводу своего друга Макара. — Контакты Паука и Локи — если не телефоны, то хотя бы примерные адреса. Вашего участкового я сам отыщу, потолкую с ним.

— Вы ж сказали — вроде в ментовке раньше служили? — Уборщица Роза недоверчиво разглядывала его